

Сергей Аванесов

ОТКАЗ

Перед тем как лечь в постель, он вышел во двор запереть калитку.

Справа, сразу за огородом, пряталось молчаливое ночное шоссе; слева, сквозь плотный ряд сосен, подступивших к самому двору, в упор смотрела полная луна. Тени от ветвей, упавшие поперёк заснеженной дорожки, чуть шевелились и дрожали, и от этого движения под ногами он чувствовал себя идущим то ли по болоту, то ли по качающейся палубе. Днём по его лицу было видно, что он сторонник двузначной логики и дипольной системы: в течение каждой недели он брил только одну половину лица, а другая в это время отдыхала. Поэтому одна его щека всегда оставалась в тени, что придавало его внешности некоторую двусмысленность. Сейчас выбритой была левая сторона лица, но в темноте это не имело значения.

По щиколотку погружаясь в шевелящиеся тени, изредка теряя равновесие, он дошёл до калитки и задвинул в гнездо деревянную щеколду. Когда его голая рука ещё касалась холодного дерева, произошло нечто такое, чего раньше никогда не происходило. Он почти увидел, как что-то огромное и непонятное поднимается к поверхности из глубины: то ли из тёмных бездн его души, то ли из молчащего мрака заснеженного леса. Постепенно это непонятное заполнило всё вокруг, и незаполненным остался он один. Ему стало ясно, что это предложение.

Он стоял у калитки и сомневался. В его жизни и без того хватало потустороннего. Были странно одетые цыганки, сверкающие золотыми зубами, что-то громко кричавшие на своём потустороннем языке – то ли друг другу, то ли этому миру; они всегда пробивались к вокзальной кассе без очереди, используя тайную магию и грудных детей: у каждой было по вопящему ребёнку, и при этом каждая вторая была вопиюще беременной. Были контролёры, возникавшие прямо из потустороннего мира: этот неожиданный гость мог в любой момент построить себя из воздуха, или войти сквозь закрытые двери, или в контролёра неожиданно превращался кто-то из пассажиров. Были книги, проглоченное содержимое которых вызывало рвоту. Были женщины, превращавшиеся в змей; чтобы избежать их ядовитых укусов, ему самому приходилось превращаться в камень.

В детстве он был настолько скромным мальчиком, что стрелял из рогатки только в своих родителей. В его присутствии переставали расти деревья, птицы теряли способность разговаривать, а рыбы – летать. Деньги никогда не приставали к его рукам, потому что его руки и деньги имели одинаковый заряд. Ему всегда было трудно начать и закончить какое-нибудь дело. Любое занятие казалось ему сложным, почти невыполнимым и требовало серьёзной подготовки. Он начинал читать лекцию ещё на подходе к университету – деревьям, птицам, случайным попутчикам; в аудиторию он входил уже в окружении толпы слушателей, которые рассаживались перед ним на полу, чтобы дослушать лекцию до конца. Читая книгу, он всегда ожидал случая или сигнала извне, чтобы остановиться. Он прерывал чтение только тогда, когда между

раскрытыми страницами книги пролетала бабочка. В этот момент он захлопывал книгу, и раздавленная бабочка служила ему очередной закладкой.

Он попытался возбудить в себе интуицию, но безуспешно. С интуицией у него было плохо. Он никогда не мог ничего предугадать; постоянно забывал, какой завтра день и какое сегодня число; не знал, что надо делать, чтобы действие принесло желанный плод. Его интуиция спала, просыпаясь только тогда, когда ему приходилось колоть дрова. Тут он вдруг начинал непостижимым образом понимать, с какого торца можно расколоть полено с наименьшей затратой сил, каким образом (в соответствии с внешним и внутренним узором сучков) направлять движение лезвия, когда применять значительное усилие, а когда ограничиваться лёгким прикосновением. Он (непонятно – глазами или руками) чувствовал устройство полена, его топор двигался то вслед за направлением роста сучков, то (когда было надо) навстречу этому направлению. Он знал, чего ему ждать от берёзы, от осины или от сосны. Даже если случалось так, что при первом ударе действительность не подтверждала его тайного знания и полено сохранялось целым, он, направляемый выпавшей интуицией, оставался твёрдым в своей внутренней уверенности, и при втором ударе дерево уже без всякого сопротивления соглашалось с его правдой, покорно разваливаясь надвое. Когда же война с поленьями победоносно завершалась, интуиция скатывалась на самое дно его души, впадая в беспробудное оцепенение.

«Может быть, меня с кем-то спутали? Ведь обознался же в темноте Джебраил, принявшись душить одного брата вместо другого. Так говорят персы, а у меня нет оснований не доверять персам». Он подумал об одном своём давнем приятеле. Тот умел отгонять мух взглядом, мог прочитать имя любой собаки в её глазах и знал устройство автомобиля как свои пять пальцев (он был одноруким). Этот приятель был уверен, что парапсихология – занятие для двух психов. Писать письма он соглашался только на змеиной коже и в разговоре совершенно игнорировал знаки препинания. Приятель имел во рту вставной зуб из гренландского льда и носил перстень из окаменевшей слюны динозавра. Ему не дано было понять поэзию и драму, зато когда он сжимал кулак, с его руки капала вода. Может быть, сейчас звали к ответу именно этого человека?

Дом, наполовину занесённый снегом, возвышался как последняя опора для его дрожащего взгляда. В глубине дома, в точке пересечения его диагоналей, пребывала одна нестарая особа. Эта женщина приходилась ему одновременно и бывшей женой, и нынешней супругой. Когда он видел её рядом с собой, в нём начинали движение две колонны: парад и похоронная процессия. Колонны двигались навстречу друг другу и расходились параллельными курсами в разных направлениях. Так она разрывала его на части. Её любимым чтением был роман про польско-литовского феодала Фёдора. Больше всего в этой книге ей нравился Фёдоров конюх, отличавшийся сугубым героизмом. Наполнив своим утренним дыханием бычий пузырь и держась за него зубами, он в одиночку переплывал барский пруд (туда и обратно). Иногда, увлечшись, он форсировал подряд пруд и Прут, а также Вислу и Одер. Когда его просили рассказать про Одер, он отвечал: «А мне, браток, что Одер, что Абер – одна хренота», – и подмигивал себе в бороду. Однажды он решил штурмовать курган по имени Комолая Нетель одновременно с севера и юга (чего раньше никому

не удавалось), но впал во внутреннее противоречие с самим собой и больше уже не мог совершить ни одного подвига. Он жил в заброшенной силосной яме, называя её Неккарской башней, измерял площадь видимой части неба с помощью овчинного тулупа и пересказывал Гегеля полевым мышам.

Наконец он понял, что ему нечего ответить. О том, что сейчас происходило, он, кажется, читал в одной арабской книге. Там было сказано следующее: «Спичка, поднесённая к пучку соломы, гаснет под прерывистым вздохом ветра. Молния бьёт мимо сухого дерева. Капли дождя, не долетев до горячего песка, испаряются в воздухе. Так отказ не приносит плода». Кто же был виноват в этом? Конечно, забор, в котором не нашлось щелей. Конечно, калитка, которая осталась запертой. Разумеется, его душа, заблудившаяся в лабиринте привычек. Луна, деревья, дом и снег сказали ему, что всё теперь снова как обычно и уже навсегда останется по-прежнему. Но в этом шуме он (обычное дело) слышал голос тоски и одиночества.

В середине дома погас ночник. Он оторвал взгляд от тёмного окна и встал из-за стола. Стул, стол, половицы, потолочные балки откликнулись на его движение согласным стоном. «Пора запирать калитку», – подумал он и вышел во двор.

Томск, 4 октября 2003